

СВИДЕТЕЛЬСТВО
ОЧЕВИДЦА

Максим Вишняков, помощник командира взвода Новокузнецкого отряда ВГСЧ, стал непосредственным очевидцем трагедии. Максим Александрович лично принимал участие в ликвидации последствий аварии, произошедшей 9 мая 2010 года. Случилось так, что он сильно пострадал во время второго взрыва. Долгое время находился на лечении в больнице. Вернулся в отряд, чтобы после окончания периода временной нетрудоспособности продолжить заниматься знакомым делом. Он согласился поделиться воспоминаниями с нашими читателями.

АВАРИЯ НА ШАХТЕ «РАСПАДСКАЯ»: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

— За неделю до того, как произошла авария, я ездил в командировку в Абазу на рудник, где делали депрессионную съемку. В Новокузнецк вернулся 8 мая утром. Этот день считался выходным — после командировки и по графику. Но ночью, уже в начале первого, мне позвонил коллега по работе. Сказал, что на «Распадской» авария — взрыв — и я должен собираться. На шахту прибыли около половины второго ночи. На командном пункте узнавали обстановку от горняков, которые выходили на поверхность и рассказывали: есть погибшие. Мы с напарником, Вадимом Головиным, помощником командира взвода, получили задание обследовать главные вентиляционные установки, уточнить, в каком они состоянии: измерить количество воздуха и депрессии.

Сначала проехали на пятый блок, посмотрели там разрушения надшахтного здания, зарисовали вываленные плиты и произвели замеры количества воздуха и депрессии, подаваемые в шахту. После этого поехали на четвертый блок. Как потом рассказывали — я этого уже не помню — мы успели вывести людей из надшахтного здания, зашли внутрь... (Сегодня в памяти остался только полный мрак и запах гари.) Мы вошли в здание, звонил телефон, Вадим только успел снять трубку и ответить: ВГСЧ... сразу прогремел взрыв...

На этом мои воспоминания становятся фрагментарными. Очнулся. Понял, что произошел второй взрыв, начал кричать, чтобы меня нашли хотя бы по голосу. Казалось, я мог бы передвигаться, но было темно, сверху завалило обломками здания... Водитель, который привез нас на четвертый блок, примерно указал на место, откуда ему послышался мой крик, и когда наши ребята-горноспасатели

подъехали, они смогли с трудом найти меня среди обломков здания. Было полностью обожжено лицо, частично — тело, перебита правая нога, но, как говорят, я все-таки пытался слезть с носилок, чтобы отправиться на поиски Вадима.

Потом меня увезли в больницу в Междуреченск, откуда перевезли в Новокузнецк в 1-ю горбольницу и сразу сделали операцию на ноге. А 10 мая утром меня в сопровождении жены на самолете МЧС отправили в Москву. Состояние было крайне тяжелое, ожог тела составлял 31%, травма ноги, ожог глаз и дыхательных путей... Лекарства позволяли отключаться от боли. Плюс болевой шок, который также способствовал бессознательному состоянию. Перелет частично помню. Вспоминаю также переезд в больницу им. А.И. Бурназяна, во время которого перекрывали движение транспорта, чтобы быстрее нас (кроме меня, было еще 5 человек пострадавших) доставить.

16 дней пролежал в реанимации, 10 дней — без сознания. Все это время жена приходила в разрешенное время и получала одно и то же сообщение: «Стабильное, крайне тяжелое состояние». Жила в гостинице МЧС, где ее разместили бесплатно.

Позже меня перевели в хирургическое отделение. Только 12 июля мы вылетели из Москвы в Новокузнецк.

— Появилась ли возможность подлечиться в санатории в России или за рубежом?

— Да, командир Новокузнецкого отряда ВГСЧ выделил деньги на семейную поездку в Сочи. Отдохнули вчетвером. Я же прошел оздоровление при помощи сероводородных ванн, которые, как считается, помогают при ожогах.

— Сейчас вы работаете на прежнем месте?

— Сейчас я на больничном по причине временной нетрудоспособности.

— Позже собираетесь вернуться в тот же отряд?

— В тот же самый отряд в то же самое подразделение.

— Жена не возражала против вашего решения?

— Такие вопросы у нас дома не обсуждаются.

— Расскажите про семью.

— В текущем феврале исполнилось 15 лет, как мы познакомились с будущей супругой, начали встречаться. А в августе будет 10 лет совместной семейной жизни. Старшему сыну, Егору, исполнилось 6 лет, а Ульяне — 4.

— В рассказе вы упомянули Вадима Головина. Что случилось с ним?

— Вадим погиб при исполнении служебного долга.

— При аварии на «Распадской» погибли 20 горноспасателей из вашего отряда. Их семьи сегодня получили все положенные в таких случаях выплаты?

— Насколько мне известно — да. Все семьи получили положенные денежные выплаты. Нуждающиеся семьи получили квартиры.

— Обыватели — в том числе и я — порой обсуждают между собой такую тему: а надо ли было идти под заведомый взрыв?

— «Заведомый»... Приборы — датчики, телефоны — не работали. Ситуация была абсолютно непонятной, кроме того, что под землей оставались люди. У нас имеется Устав, в котором черным по белому написано: выполнение экстренных и неотложных мер по спасению и эвакуации застигнутых аварией людей и оказание травмированным медицинской помощи — иначе для чего созданы военизированные горноспасательные войска? Чтобы отсиживаться сутки, вторые и ждать — случится ли повторный взрыв? Когда первое отделение ВГСЧ после взрыва идет в шахту, всем этим людям автоматически надо присваивать звание Героев. Они отправляются в никуда.

— Вы были отмечены правительственной наградой?

— Президент подписал Указ о награждении погибших ребят орде-

ном Мужества посмертно. Мне же пообещали медаль «За отвагу». Указ подписан, но награждение еще не состоялось.

— Последний вопрос. Если ваш сын Егор пойдет работать горноспасателем — вы поддержите его выбор?

— Не знаю. Может быть. Тот коллектив, в котором я сегодня работаю — команда настоящих мужчин. Саму работу спасателя действительно можно считать настоящим мужским делом. За которое мне ни перед кем не стыдно.

...В прошлом году Максим Вишняков начал заниматься исследовательской работой и писать диссертацию. Первая статья на тему работы была опубликована в журнале «Уголь. Майнинг-2010». Но присутствовать на ее рецензировании и узнать отзывы оппонентов, самих горняков и руководителей угольных предприятий Максиму Александровичу уже не довелось (напомним: Кузбасская выставка-ярмарка состоялась в начале июня). Тем временем, тема статьи представляется крайне любопытной, поскольку автор анализирует причины аварий, произошедших на угольных предприятиях юга Кузбасса, с собственной точки зрения.

НА ШАХТУ ПРИБЫЛИ ОКОЛО ПОЛОВИНЫ ВТОРОГО НОЧИ. МЫ ПОЛУЧИЛИ ЗАДАНИЕ ОБСЛЕДОВАТЬ ГЛАВНЫЕ ВЕНТИЛЯЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ, УТОЧНИТЬ, В КАКОМ ОНИ СОСТОЯНИИ: ЗАМЕРИТЬ КОЛИЧЕСТВО ВОЗДУХА И ДЕПРЕССИИ. СНАЧАЛА ПРОЕХАЛИ НА ПЯТЫЙ БЛОК, ЗАТЕМ НА ЧЕТВЕРТЫЙ. КАК ПОТОМ РАССКАЗЫВАЛИ — Я ЭТОГО УЖЕ НЕ ПОМНЮ — МЫ УСПЕЛИ ВЫВЕСТИ ЛЮДЕЙ ИЗ НАДШАХТНОГО ЗДАНИЯ, ЗАШЛИ ВНУТРЬ... МЫ ВОШЛИ В ЗДАНИЕ, ЗАЗВОНИЛ ТЕЛЕФОН, ВАДИМ ТОЛЬКО УСПЕЛ СНЯТЬ ТРУБКУ И ОТВЕТИТЬ: ВГСЧ... СРАЗУ ПРОГРЕМЕЛ ВЗРЫВ...

Лариса ФИЛИППОВА